

© 2011 г. Е.Н. НИКИТИНА

КОНСТРУКЦИИ С ИМЕНТЕЛЬНЫМ И ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПРЕДИКАТИВНЫМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (к проблеме взаимодействия грамматических категорий)*

В статье рассматриваются предложения с субстантивными предикатами в системно-грамматическом и текстовом аспектах. Выбор предикативного падежа объясняется действием «категориального согласования», которое соединяет лексическую семантику предикативного имени, категории падежа и времени. Отказ от категориального согласования, или «категориальное рассогласование», интерпретируется в связи с субъектом модуса, т. е. как одно из средств проявления эгоцентрической техники.

Работа посвящена вопросам, связанным с функционированием именительного и творительного падежей в предложениях с субстантивными предикатами; исследование осуществляется с позиций объяснительной грамматики в связи с идеей взаимодействия грамматических категорий.

Сама идея взаимодействия в современной лингвистике может пониматься как логическое продолжение научного поиска, в процессе которого после формального разграничения и изолированного описания морфологических категорий наступает этап собирания категорий и осмысления их «суммарной» семантической силы, как в парадигматическом плане, так и в составе конструкции, а также в тексте. С точки зрения взаимодействия получали интерпретацию такие языковые явления, как «скрытые (семантические) категории» [Уорф 1972], «суперкатегория предложения» (пространственно-временная локализация) [Булыгина, Шмелев 1997], «межкатегориальные комплексы», обсуждавшиеся в рамках Теории функциональной грамматики [Бондарко (ред.) 1996], а также инструменты лингвистического анализа текста в функционально-объяснительной теории – «коммуникативный регистр» Г.А. Золотовой [Золотова и др. 1998] и «субъектная перспектива» Н.К. О니пенко [Там же].

Скрытая категория может обнаруживаться во взаимодействии формально выраженной категории и местоименного слова в рамках придаточного определительного (например, категория рода в английском языке) либо посредством особого типа сосуществования категорий в рамках именной синтаксемы (форма вин. п. мн. ч. одушевленных существительных грамматикализует собирательность: *пойти в солдаты, взять в жены* – см. раздел, написанный Н.К. Онипенко, в [Золотова и др. 1998: 304–309], а также [Успенский 2004]). Суперкатегория «пространственно-временная локализация» – результат возведения именной и предикатной семантики на уровень предложения. Коммуникативный регистр обусловлен семантическим согласованием языковых средств и семантики модусного предиката в рамках текстового фрагмента; субъектная перспектива понимается как результат возведения категории лица (субъекта) на уровень текста. «Глобальные» семантические категории как результат «подъема» могут фиксироваться

* В статье продолжается рассмотрение вопроса об условиях выбора формы падежа именного сказуемого; обсуждение этого вопроса было начато Г.М. Зельдовичем в публикации [Зельдович 2005].

в парадигматике частей речи: так, Б.А. Успенский объединяет имя и глагол над-частеречной категорией партитивности (количественности), которая управляет поведением (выбором) падежа и вида. Ср. «над-частеречная категория» с термином «суперкатегория» (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев).

В данной работе изучается взаимодействие именных и глагольных категорий (1) в связи с значениями формально выраженных категорий времени, наклонения, падежа в рамках синтаксической конструкции; (2) в связи с лексической семантикой предикатного слова; (3) в связи с авторскими тактиками. Взаимодействие проявляется либо в сосуществовании категорий в рамках семантического согласования, либо в нарушении согласования, результатом которого становится «приращение» грамматической семантики, изменения в субъектной перспективе и т. д.

Выбор именительного – творительного предикативного обсуждался в традиционной русской грамматике – в синхронии и в истории русского литературного языка ([Востоков 1838; Буслаев 1858; Богородицкий 1935; Виноградов, Шведова (ред.) 1964; Русская грамматика 1980] и др.), в стилистике XIX–XX вв. [Чернышев 1915; Булаховский 1954], в структурной и функциональной лингвистике XX в. [Якобсон 1985; Nichols 1981; Никольс 1985; Тимберлейк 1985]. В качестве оснований выбора выдвигаются такие понятия, как постоянный / переменный, обязательный / случайный признак, статика / динамика, тем самым падежно-именная грамматика получает интерпретацию через глагольные семантические категории. Иногда говорят не о собственно грамматических условиях, а о стилистике: так, к сфере стилистики относит колебания в выборе падежа Дж. Никольс. Авторы Пражской грамматики признают: «Семантические условия, вызывающие в русском выбор то Nn, то Ni, с трудом поддаются установлению... выбор той или иной формы отчасти регулируется причинами стилистического характера» [Пражская грамматика 1979: 721]. На современном этапе вопрос выбора падежа решается в прагматике [Зельдович 2005].

В указанной работе Г.М. Зельдовича рассматривается вариативность предикативных падежей (согласованная форма¹ vs. творительный падеж) на примере субстантивных и адъективных предикатов – как основных, так и зависимых (таксисных). Автор предлагает подход, соединяющий семантику субъекта с семантикой предиката. Если субъект и предикат составляют «единый концепт» (в другой терминологии Г.М. Зельдович называет это «наблюденностью» признака или «опытом говорящего», в котором субъект и предикат были соединены до анализируемого акта речи более двух раз), то выбирается согласованная форма. Творительный падеж не маркирован: «...значение творительного падежа формируется здесь отрицательным образом за счет его противопоставленности согласованной форме» [Там же: 21]. В этой закономерности автор видит большую объяснительную силу. При анализе предложений Г.М. Зельдович обращается к возможной ситуации речи: домысливается конкретный ситуативный контекст испытания и наблюдения говорящим признака (например, чтение, застолье и т. п.), в котором могла прозвучать та или иная фраза. Тем самым объяснительность сосредоточивается в области соотносительности изображаемой ситуации с выбором падежа, к сожалению, минуя инструментарий грамматической терминологии и грамматических значений. К примеру, сама сфера исследования в статье (проблема маркируемости падежом «опыта» говорящего, реальности, «наблюденности») подсказывает путь в область модальности в широком смысле. Если признать, что прагматика высказывания может стать верным направлением поиска, то ее следует соединить с собственно грамматикой, вернув в исследование грамматическую семантику.

Возражение может вызвать сведение именных предложений к абстрактной формуле, включающей связку *есть*: «К есть Р» [Там же: 22], т. е. к такой структуре, которая воплощается лишь в ограниченном составе именных предложений: это предложения, построенные на основе существительных абстрактной лексической семантики, ср.:

¹Согласованной формой традиционно называется предикативное имя в том же падеже, что и подлежащее, т. е. в именительном.

Мысль изреченная есть ложь (Тютчев), либо предложения тождества типа *Павел есть Савл* (пример из [Ревзин 1978]²). По В.Г. Адмони [Адмони 1955] и К.В. Чвани (работа 1973 г.) [Chvany 1996] связка *есть* возможна и в предложениях с таксономическими предикатами типа *Роза (есть) цветок; Лингвистика (есть) наука* – ср.: **Ваня есть филолог, *Вася есть умный*. Во всех случаях связка *есть* указывает на обобщенное временное значение и отсутствие временной парадигмы.

* * *

В качестве объекта исследования в предлагаемой статье избраны предложения с субстантивными предикатами (в большинстве своем приписанными личным субъектам), в силу того что именно в таких предложениях в наиболее чистом виде осуществляются разные варианты грамматического взаимодействия между глагольными категориями и именной категорией падежа (в сравнении с предложениями с адъективными предикатами типа *Книга умная, зеленая*, с таксисными именными предикатами типа *Он стоял босой; Он вернулся веселый / веселым*).

Представляется, что недостающим звеном в интерпретации именительного и творительного предикативных может стать понимание грамматической сущности связки *быть*. Наша гипотеза состоит в том, что глагольная недостаточность создает условия, в которых именной предикат, точнее его предикативный падеж и лексическая семантика, участвует в выражении значений, связанных с качеством (лексическая семантика имени) и количеством признака (количество признака является значением, которое в глагольном предикате выражают вид и время), а также с субъективностью признака (в глагольном предикате за это ответственны категории модальности, вида, лица, времени). Из дальнейшего изложения будут понятны семантические и комбинаторные варианты взаимодействия.

В русской грамматической традиции, связанной с Л.В. Щербой (работа 1928 г.) [Щерба 2007], связку *быть* принято рассматривать как неглагольное незнаменательное слово, выражающее лишь логическое отношение между предметами мысли. Вслед за Л.В. Щербой В.В. Виноградов рассматривает *быть*, *это*, как среди частиц речи и констатирует неглагольность связки *быть*, хотя и располагающей формами времени, лица (числа и рода) и наклонения, но стоящей вне категорий вида и залога [Виноградов 1947]. Г.А. Золотова называет *быть* крайним (неакциональным) полюсом в глагольной систематике, а предложения со связкой *быть* – безглагольными [Золотова 1982]. Можно сказать, что именные предикаты создают условия морфологической «глагольной недостаточности» и «именной избыточности» (которую порождает «лишний» падеж – предикативный).

1. МЕХАНИЗМ СЕМАНТИЧЕСКОГО СОГЛАСОВАНИЯ КАТЕГОРИЙ

1.1. Грамматический механизм согласования категорий

Общеизвестная тенденция распределения именительного – творительного предикативных в современном русском языке такова: именительный падеж выбирается при настоящем времени, актуальном и неактуальном, творительный – при прошедшем, будущем времени, а также в ирреальных наклонениях: *Он учитель – Он был учителем – Если бы он был учителем*. Эта закономерность употребления кластера «падеж-время-наклонение» отражена в [Русская грамматика 1980: 281, 283]. Ср. также: «...если позиция Vf сор занята глаголом *быть*, выбор формы именного сказуемого зависит от выбора формы морфологической связки» [Пражская грамматика 1979: 721].

² Для восстановления хронологической последовательности важно указать, что в настоящей статье ссылки даются на доступную работу И.И. Ревзина 1978 г., однако идеи И.И. Ревзина относительно предложений тождества были высказаны еще в 1971 г.; затем они вызвали обсуждение в лингвистической литературе 1970-х гг., см. [Chvany 1996] (работа 1975 г.) и [Арутюнова 1976].

Соединение в кластеры «именительный падеж – настоящее время», «творительный падеж – не-настоящее время» можно представить как семантическое согласование категорий. При этом кластер «именительный падеж – настоящее время» представляет собой согласование «нулевых» категорий (термин А.М. Пешковского, который связал «отсутствие значения» с точкой отсчета, относительно которой отмеряются все другие значения данной категории [Пешковский 2001]), или немаркированную форму предиката. Здесь следует вспомнить о той связи, которую видит Вяч.Вс. Иванов между номинативным предложением и дейксисом: он указывает на связь именительного падежа с моментом речи [Иванов 1979], что является частным случаем семантического согласования именительного предикативного и настоящего времени. Немаркированностью именительного падежа обусловлена его функция падежа тематического («именительный темы»), а также то, что он является словарной формой именных частей речи.

Ненулевые (маркированные) категории указывают на дистанцию между пространственно-временными координатами говорящего, которые выражаются в формах наклонения и времени. Это прошедшее время, а также все модально маркированные формы (будущее время и ирреальные наклонения) – они семантически согласуются с творительным падежом, т. е. связка (как и творительный падеж) обнаруживает себя в условиях дистанцирования и расподобления мира говорящего и мира, которому принадлежит сообщаемый факт. Исследователи обнаруживают разную склонность модально окрашенных и временных значений к творительному падежу: к нему более расположены модально маркированные формы, в частности будущее время в большей степени, чем прошедшее (см. [Никольс 1985]). Таким образом, для обозначения ситуаций, максимально приближенных к говорящему субъекту, используются «объективные» значения категорий; для обозначения ситуаций, сигнализирующих об удалении от него, – субъективирующие: не-именительный падеж предиката, не-настоящее время связки. Прошедшее, в свою очередь, дает самые многочисленные варианты взаимодействия с предикативными падежами, что связано с множественностью функциональных возможностей форм прошедшего в речевом и нарративном режиме.

Выше был представлен механизм, согласовательно соединяющий формы времени (и модальности) и падежа. Еще одним параметром, участвующим в выборе падежа, является лексическая семантика именного признака.

1.2. Согласование грамматических категорий и лексическая семантика имени

Семантическим классификациям субстантивных предикатов в лингвистической литературе уделялось внимание в работах И.И. Ревзина [Ревзин 1978], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, Ширяев 1983], Дж. Никольс [Никольс 1985].

В классификации И.И. Ревзина, которая построена с учетом выражения в русском языке категории определенности / неопределенности, устанавливаются закономерности выбора предикативного падежа на основании комбинаторики двух пар признаков: тождества / включения, постоянства / переменности.

В классификации Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, Ширяев 1983] речь идет о логическом соотношении субъекта и предиката: по семантическому объему – тождественные отношения (предикаты тождества), родо-видовые отношения (таксономические предикаты); а также для личных имен – отношения, сводимые к посессивным (реляционные предикаты), и отношения характеристики. Для исследования взаимодействия именных и глагольных категорий важно то, что в рамках этой классификации уделяется внимание связи **временной характеристики предложения** с семантикой предиката: так, форма прошедшего времени в предложениях с таксономическими предикатами указывает на отнесенность к прошлому самих референтных субъектов (*Сократ был грек*), так как сами фрагменты естественных классификаций, к которым принадлежат субстантивные предикаты, имеют «вечный» и объективный характер, чем и обусловлено обычное употребление таких предложений в настоящем времени.

Развивая эту логику, можно сделать следующее заключение. Если субъектом предложения является класс объектов (нереферентное имя), т. е. сам класс объектов продолжает существовать и в настоящем, то предложение в форме прошедшего времени получается неистинным: *?Раньше грибы были растениями*. Если изменения в естественных классификациях и происходят, то отсылка к прежней классификации не строится за счет связки *быть*, но включает рамочный предикат (например, *считаться*), который не только несет информацию о временной характеристике, но и указывает на расхождение мнения, о котором сообщается, и мнения, к которому присоединяется говорящий, ср.: *?Раньше грибы были растениями – Раньше грибы считались растениями (= Раньше считали, что грибы – растения)*.

Самую обширную классификацию предикативных имен предлагает Дж. Никольс [Никольс 1985]. Выбор согласованной формы (именительный падеж) она связывает с оценочностью признака (*дурак, добряк, умница, старик, красавица, весельчак, живчик*), с родовым значением (*человек, мужчина, женщина* и т. п.) в соединении с зависимыми словами, со значением национальной принадлежности (*американец, русский*); выбор творительного – с семантикой занятия, статуса, функции (*плотник, учитель, свидетель*), с абстрактной семантикой (*цель, причина*), с семантикой родственного обозначения (*брат, отец*). Попытки практического применения и анализ конкретных примеров из статьи Дж. Никольс показывают, что критерий или его интерпретация верны не всегда. К примеру, предикаты из одной семантической группы по-разному реагируют на прошедшее время, что проявляется в выборе падежа: *Он был старик / ? стариком – Она была красавица / красавицей*. Объяснение этому постараемся дать ниже. Пример *Он был мне братом* с дательным личного местоимения, соединяющего две роли – субъекта мнения и выражение отношения родства, означает, что речь идет не о реальном реляционном признаке (по Н.Д. Арутюновой): 'У него и у меня общие родители', а о метафорическом приписывании признака: смысл его равносителен высказыванию «Он был мне как брат»; ср. также *Полковник наш рожден был хватом: Слуга царю, отец солдатам*.

Уточним еще раз, что при анализе выбора предикативного падежа нужно учитывать (1) грамматический механизм согласования категорий, (2) взаимодействие с этим механизмом лексической семантики, (3) авторские тактики (которые могут рассогласовывать форму связки и падежа).

В данной статье предлагается семантическая классификация именных предикатов, учитывающая признаки, на которых строились предшествующие классификации. Представляется, что имеет смысл последовательно связать семантику предикативных падежей, которая участвует в выражении значений **времени** и **модальности**, с семантикой признакового существительного, а именно с такими характеристиками, которые синсемичны идеям времени и модальности: 1) постоянство / временность субстантивного признака (синсемичны идее времени); 2) оценочность / констатация (синсемичны идее модальности; о связи категории оценки с категорией модальности см. [Плунгян 2000: 309–311]). Модально-временную предназначенность субстантивных признаков удобно рассматривать, используя типы предикатов по Н.Д. Арутюновой.

1. Постоянные / временные признаки. Очевидно, что противопоставленность по такой паре признаков будет влиять на выбор падежа в прошедшем времени в рамках согласовательной техники: постоянные связаны с именительным падежом, временные, изменяемые – с творительным. При этом оказывается, что признак изменяемости для оценочных предикатов связан с идеей перспективности: например, *красавица* – временный признак (красота может утратиться в будущем), *старик* – постоянный признак (нет развития признака). Наличие / отсутствие семантики перспективности в субстантивном признаке влияет на возможность выбора творительного: *была красавицей – ? был стариком*.

Постоянные реляционные предикаты (*отец*) обычно не употребляются в прошедшем времени. При необходимости выразить постоянный реляционный признак в рамках прошедшего времени употребляются предложения тождества, ср.: *Это был мой*

отец – ?*Он был мой отец / моим отцом*. Временные реляционные и характеризующие признаки (*сосед, химик, друг*) требуют творительного: *Он был моим мужем, моим соседом*. Оценочные признаки (*дурак, умница*) мыслятся как неизменяемые во времени и употребляются преимущественно в именительном. Производные конструктивно-обусловленные оценочные предикаты (*лопух, свинья*) требуют именительного падежа, осмысление такого оценочного признака в творительном затруднено: *Он был лопух, свинья* – ?*Он был лопухом / свиньей*. Предикаты во втором примере не осознаются как оценочные, их осмысление возможно через буквальную отсылку к номинативным значениям: *Он был свиньей* – например, на празднике он был в костюме свиньи либо играл роль свиньи в спектакле; творительный указывает на временный характер признака, а тем самым отсылает к номинативному свободному значению.

Вернемся к примеру из [Арутюнова, Ширяев 1983]. Констатирующие постоянные признаки (таксономические, частично реляционные) при употреблении в прошедшем указывают на принадлежность к прошлому не признака, а самого предиктируемого субъекта [Там же: 10] (обычно в таком случае речь идет о референтных субъектах). Именно поэтому в рамках речевого режима реализуется синонимическая вариативность настоящего – прошедшего: *Сократ был грек, Сократ грек*. Можно объяснить возможность этой синонимии в речевом режиме тем, что употребление формы прошедшего времени делает акцент на принадлежности субъекта к прошлому (временное «согласование» связки с субъектом), возможность настоящего времени связана с неизменностью предикативного признака (временное «согласование» связки с именным предикатом). В нарративном режиме осуществляется подстройка формы времени под контекст (обычно избирается форма прошедшего), подробнее см. раздел II.3.

2. Констатирующие / оценочные признаки. Семантическое различие в этой паре признаков более или менее очевидно. Оценочные признаки могут соединяться с показателями степени³: *дурак, разиня, лопух, красавица* (только характеризующие); констатирующие, или нейтральные, включают функционально-профессиональные признаки (ролевые по [Борщев и др. 2008]⁴), имена отношений и классов: *химик, сосед, брат, отличник* (сюда относятся характеризующие, таксономические, реляционные предикаты). Очевидно, что оценочные признаки, как позитивные, так и негативные, являются предикатами 3-го лица (о взаимодействии оценочных признаков с 1-м лицом см. раздел 4).

Существуют имена, потенциально располагающие оценочностью (обычно при соединении с квалификаторами *надежный, настоящий* и т. п. или в условиях интонационной выделенности): *друг, гражданин, отец, мастер*. Исходно номинативные имена типа *мужчина, женщина* в тех же условиях приобретают оценочность.

Семантический признак оценочности / констатации оказывается значимым в условиях рассогласования предикативного падежа и времени.

2. СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ КАТЕГОРИАЛЬНОЕ РАССОГЛАСОВАНИЕ ПО ЛИНИИ ВРЕМЯ – ПАДЕЖ

Помимо закономерности, названной выше «семантическим согласованием», существует и техника грамматического «рассогласования», обычно это (I) творительный падеж на фоне настоящего времени, либо (II) именительный на фоне прошедшего времени, либо (III) именительный на фоне будущего времени. Эти грамматические характеристики (время – падеж) следует рассматривать в связи с семантикой предикативного имени (оценочность / констатация). Рассогласовательная техника приводит к осмысле-

³ Взаимодействие показателей степени с семантикой предиката и их влияние на выбор падежа в рамках данной статьи не обсуждаются.

⁴ Ранее семантическое сходство имен вещей и имен исполнителей обсуждалось в работе 1981 г. [Степанов 2007: 87].

нию синтаксических глагольных категорий времени и вида посредством «неканонического» падежа предиката.

I. Творительный «рассогласованный» употребляется в следующих случаях⁵.

I.1. Творительный констатирующего (функционально-ролевого) признака, носящего временный характер:

Вошел он очень любезно. <...>

– Я к вам по делу, – начал он чрезвычайно независимо, хотя, впрочем, вежливо, – и не скрою, что я к вам **послом** или, лучше сказать, **посредником** от генерала (Достоевский);

Входит Андрей.

Ольга. Это мой брат, Андрей Сергеич.

Вершинин. Вершинин.

Андрей. Прозоров. (Утирает вспотевшее лицо.) Вы к нам **батарейным командиром**? (Чехов);

Вы простите, что я к вам **нежданной гостьей** (Арбузов).

В приведенных примерах обрисована ситуация прихода, начала разговора, знакомства (о чем свидетельствуют предикаты *вошел*, *начал*, *входит* и лексическая семантика предикативного имени *гость*), в которой присутствующие осмысливают новое ролевое качество личного субъекта (появление де Грис у рассказчика «Игрока»; Вершинина, недавно переведенного на новое место, в доме Прозоровых). Творительный предикативный выступает здесь в значении предела «начинательного» (т. е. налицо аналогия с сов. в.). В этих случаях творительный имеет перфективное значение (впервые о способности именных синтаксисов к передаче значения перфектива писала Г.А. Золотова [Золотова 2005]): признак в творительном обусловлен предшествующим действием предиктируемого субъекта либо другого лица: *пришел/прислали* → *является гостьей, послом*.

См. также пример из пьесы Арбузова, где героиня рассказывает о получении третьим лицом должности начальника экспедиции: *На буровой-то Аникин хозяином. Добился*. Здесь начинательное значение творительного подтверждается интерпретационным перфективным глаголом в постпозиции, который во временном плане предшествует состоянию «хозяином», являющемуся результатом, следствием действия *добился*.

Если в примере из Арбузова имеют место таксисные отношения временного следования (первое – следствие второго) между перфективным глагольным и именным предикатом, то контекстное окружение именного предложения в фрагменте из поэмы Цветаевой – перфектные причастные предикаты, отражающие статику пространства (о статике причастных предикатов см. [Вяльсова 2008]):

*Надышано, накурено,
А главное – наказано!*

*Чем пахнет? Спешкой крайнею,
Потачкой и грешком:
Коммерческими тайнами
И бальным порошком.*

*Холостяки семейные
В перстнях, юнцы маститые...
Нашучено, насмеяно,
А главное – насчитано!
(Вполоборота: это вот –
Наш дом? – Не я хозяйкою!)*

⁵ Употребление «творительного рассогласованного» на примере предикатных имен с категориальной семантикой в предложениях в настоящем времени (*Ах! Этот человек всегда **причиной** мне ужасного расстройства* (Грибоедов)) в рамках данной статьи не рассматривается; этому явлению предполагается посвятить отдельное исследование.

Причастные предикаты соединяют перцептивный модус (обрисовка конкретного пространства) и ментальную оценку увиденного (оценочный префикс *на-*, авторские причастия от речевых глаголов), именной предикат употреблен в рамках речевого акта – в скобки заключена авторская ремарка к наблюдаемому: причастные предикаты и именной предикат не образуют единого временного плана. В этих условиях грамматическая семантика именного сказуемого осмысливается не на фоне статического контекста, а в рамках вставной конструкции, изолированно. Отрицательная модальность связывается с потерей автором хозяйских прав на свой дом и порядки в нем – если судить по творительному предикативному, временной потерей.

На динамику временную (перфективную) и пространственную (аналогия с глаголами движения) в приведенных примерах указывают директивные синтаксемы (*к вам*), невозможные в рамках конструкции с именительным как падежом статическим. Такое соединение форм времени и падежа, частотное в XIX в., в современном языке становится малоупотребительным, в силу того что субстантивные признаки склонны выражать статику ситуации и не сиюминутные признаки, а для передачи динамики избираются другие типы не-глагольных предикатов: «я к вам по делу», «я к вам ненадолго».

При кластере «творительный – настоящее время» употребляется локализатор, очерчивающий пространственные границы действия признака:

Я старостою здесь над водяным народом (Крылов);

Я по делам гонцом у барина большого (Крылов);

Это вот – Наш дом? – Не я хозяйкою! (Цветаева);

Почему Вавилов, а не он (Крымов. – Е.Н.) комиссаром в дивизии Родимцева? (В. Гроссман – внутренняя речь Крымова, режим 1-го лица).

Творительный при настоящем времени может указывать не только на временный признак, но и на его обусловленность чужой волей, высшей инстанцией, что и придает ему временный характер, подтверждаемый формой падежа. Обусловленность статуса чужой волей в соединении с предикацией к Я-субъекту порождает своеобразие эмоциональной позиции говорящего. Ср. в «Евгении Онегине»: *Он там хозяин. Это ясно* (из сна Татьяны) – именной предикат в именительном отнесен к он-субъекту, отсутствует эмоциональный фон; речь не идет о том, что кто-то передал Онегину хозяйские полномочия, вывод о его статусе в фантастической компании принадлежит Татьяне.

В динамических контекстах в отсутствие пространственного локализатора действуют директивы (см. выше примеры из Достоевского, Чехова, Арбузова).

Выбор именно творительного (как падежа субъективирующего) объясняется синсемичностью с совершенным видом: последний «субъективен», его суть в том, что взгляд говорящего, отделяясь от линии времени, пересекает ее, в отличие от несовершенного вида, «объективного» (взгляд говорящего параллелен линии времени) [Золотова 2002]. Ср. также идею А.В. Исаченко (1960 г.) о возможности, в случае совершенного вида, обозревать начальную и конечную фазы процесса: «Выражая процесс формами совершенного вида..., говорящий стоит вне процесса, выраженного глагольной формой...» [Исаченко 2003, 2: 133].

Членимость времени в современном языке также отражается употреблением творительного, членимое время обычно не соединяется с именительным падежом, при временном локализаторе в прошедшем времени обычно выступает творительный (который «отмеряет» время), но не именительный: *он был тогда ребенком / ?ребенок; Сначала он был химиком / ?химик*. Следовательно, предикативные падежи способны передавать количество времени, в течение которого осуществляется предикативный признак, и тем самым выполнять функции, сопоставимые с функциями глагольного вида: именительный, как передающий идею слитного, нечленимого времени, уподобляется несовершенному виду, творительный – «количественному» совершенному виду. См. также раздел II.2.

Однако семантическая близость творительного падежа и совершенного вида не означает их функционального тождества и взаимозамены. Так, именное предложение

Сначала он был химиком синонимично глагольному Сначала он занимался химией, где выбирается несовершенный вид (а не совершенный), что обусловлено фиксацией именного сказуемого на временной членимости, а глагольного – на временной протяженности (временные рамки задает темпоральное наречие).

Тем самым, аналогия между видом и предикативным падежом (именительным падежом и несовершенным видом, творительным и совершенным видом) является логическим продолжением того лингвистического исследования, которое предпринял А. Тимберлейк, изучая закономерности употребления именительного – творительного в таксисном предикате в связи с глагольным видом основного предиката и его контекстным значением [Тимберлейк 1985]. Здесь следует также вспомнить идею Р.О. Якобсона [Якобсон 1985], который парадигматически противопоставил родительный как падеж, имеющий дело с идеей предела – объема, падежам именительному и винительному, не охарактеризованным по этому признаку, и уподобил это противопоставление видовому: «...в соответствии с этим можно говорить и о видовой корреляции у имен» [Там же: 146]. Наш анализ показывает, что видовую семантику падеж может нести и в синтагматике. Достраивая предложенную Р.О. Якобсоном модель видовой корреляции у имени, получим противопоставление двух пар падежей: творительного – родительного, с одной стороны, и именительного – винительного – с другой.

1.2. Творительный «метафорического», субъективированного признака. Признак не реальный, не констатирующий, приписывается личным субъектам (обычно не 1-го лица, что объясняется взглядом со стороны):

А тетушка? все девушкой, Минервой? Все фрейлиной Екатерины Первой? (Грибоедов);
Ведь он у ней теперь великим визирем (Тургенев).

Можно провести аналогию с творительным сравнения, а также говорить о том, что творительный предикативный принимает на себя семантику связки *как*, которая квалифицирована у В.В. Виноградова как имеющая «окраску метафорического приравнивания» [Виноградов 1947: 675]. Говорящий, стоящий за оценочным, субъективирующим признаком, обнаруживает себя выбором творительного. В отличие от связки *как*, творительный метафорических предикатов при личных субъектах востребован обычно в контекстах с негативной оценкой.

Этот тип метафорических предикатов можно расширить за счет предложений с предметными субъектами, которые являются средством изобразительности в поэтической речи, в репродуктивном регистре (объект наблюдения, которому приписан временный, метафорический предикат):

Серебряной зазубриной
В окне – звезда мальтийская! (Цветаева).

Выделяемый И.И. Ревзиным [Ревзин 1978] тип предикатов с «семантикой преходящего тождества», проиллюстрированный немецкими примерами *Brot ist Freiheit; Freiheit – Brot; Ich bin das Schwert, ich bin die Flamme*, обнаруживает сходство с примерами из группы 1.2 – эти предикаты метафорические. Представляется, что преходящий характер признака обусловлен его принадлежностью только говорящему, его сознанию, в отличие от предикатов «константного тождества» (*Декарт – это Картезиус*), в которых отражено общее знание. Однако немецкие предложения не могут быть переведены с помощью творительного, что объясняется ненаблюдаемостью признака, его ментальным характером в примерах с предметными субъектами, а в примере с личным субъектом – 1-м лицом субъекта, накладывающим ограничения на внешнюю точку зрения, и отсутствием негативной оценочности в примере с личным субъектом.

II. Именительный «рассогласованный» употребляется в следующих условиях:

II.1. Именительный вечного (вечно актуального) признака. Объективированность, обусловленная абсолютной всевременной значимостью, вневременной при-

знак, признак, действительный «всегда»: *Пушкин был художник; Солженицын был гражданин* – предикаты оценочные (могут сопровождаться оценочными квалификаторами и равносильны значениям «великий художник», «великий гражданин»), синонимичны тем же предложениям с нулевой связкой. Предикативное имя получает оценочное значение, но это оценка не с позиций говорящего индивида, а с позиций вечной истины, средством выражения которой становится именительный «объективирующий».

Соотношение именительного – творительного предикативных в современном русском языке аналогично тому грамматическому соотношению, которое реконструируется в паре «бессвязочное именное предложение / предложение со связочным глаголом», которое предлагает Э. Бенвенист: «Как только в именное предложение вводят глагольную форму, оно утрачивает свою подлинную сущность, которая как раз и заключается в том, что между языковым рядом (высказыванием) и действительностью предполагается отношение *неварьированности*. Именное предложение способно определять “вечную истину” потому, что в нем отсутствует какая бы то ни было глагольная форма, конкретизирующая выражение» [Бенвенист 2002: 182–183]. «Конкретизация выражения» – это конкретизация во времени, вневременная сущность предиката связана в реконструкции с именем, в современном русском языке – с именительным предикативным. Можно, таким образом, сказать, что именительный может подавлять временное значение связки, выводя на первый план отсутствие временной локализации. В [Виноградов, Шведова (ред.) 1964: 22–23] Н.Ю. Шведова пишет о том, что на протяжении XVIII в. в русском языке соотношение предложений со связкой *есть* и бессвязочных определялось характером признака во времени: вневременные признаки выражались посредством связочных предложений, временные – посредством бессвязочных. И до сих пор в современном языке наличие в предложении связки *есть* осмысливается в связи с отсутствием временной локализованности. Таким образом, в разных языковых системах и на разных временных срезах системы одного языка аналогичное смысловое категориально-временное соотношение может обслуживаться соотношением разных пар грамматических форм – как связочных, так и падежных.

Если рассматривать разные варианты временной и падежной организации именных предложений, то лингвистический анализ в изоляции от контекста является самым плодотворным именно применительно к предложениям с именительным «вечного признака», поскольку такие высказывания, получая ранг всеобщей истины, живут как афоризмы, вне повествовательного контекста (в грамматическом плане – теряют временную парадигму).

В классификации И.И. Ревзина семантика предиката такого типа получила название «константного включения» и противопоставлена семантике «преходящего включения» (*Пушкин был лицеистом*).

II.2. Именительный абсолютного прошлого и «абсолютного признака» передает объективированность, обусловленную неизменностью признака в реальном прошлом по отношению к моменту речи. Условия употребления таких предикатов – речевой режим (говорящий как субъект дейксиса), см. [Падучева 1996: 13, 244–249, 262]. Понятно, что прямая речь героев в рамках художественного текста, которая имитирует, воспроизводит ситуацию речевого режима, осуществляется по законам первичного дейксиса.

Неизменность и абсолютность признака связана с тем, что субъект принадлежит прошлому, не существует в настоящем. Абсолютность признака не соединяется с пространственно-временной локализацией (которая нарушила бы абсолютность, сделав время членимым).

Покойник был почтенный камергер, / С ключом, и сыну ключ умел доставить (речь Фамусова, Грибоедов);

Муж Лебедевой-Остроумовой был химик (из разговорной речи);

Он же сердечник был (Е.В. Санаева об отце).

Эти предикаты носят констатирующий характер (сближаются с предикатами действия = *занимался химией*, качества = *у него было больное сердце*). Именные предикаты в конструкции со связкой в прошедшем и именительным (абсолютное прошедшее) являются предикатами 3-го лица. Ср.: *Он / ?Я был химик*. Тем, что конструкция с именительным предикативным в прошедшем не допускает использования 1-го лица субъекта, доказываем, что не только признак, но и сам предиктируемый субъект принадлежит «абсолютному прошлому»: его время остановилось (его нет в живых); Я-субъект, сохраняя связь с дейктическими категориями, не может быть отнесен к «абсолютному прошлому».

Именительный статический позволяет передать взгляд со стороны, из другого временного плана, но из «параллельного времени»: такие предложения как бы утверждают две линии времени – героя, предиктируемого субъекта, и говорящего⁶. Для передачи того же внеязыкового факта (предикация к субъекту, которого нет в живых) факультативно может использоваться творительный, потому что творительный динамический членит общую линию времени на временные планы – настоящего и прошлого (*Менделеев был химиком*), говорящий укладывает историю героя и свою в одну временную линию.

Можно предположить, что «оттенок литературности», который отмечает [Пражская грамматика 1979: 722] в творительном, обнаруживается именно в значении «абсолютного прошедшего». Это может быть связано с тем, что если творительный организует время события и время речи в одну временную линию и подчиняет время события точке зрения говорящего (контролируемость), то именительный представляет время события «изолированно» (неупорядоченность времени, неконтролируемость со стороны говорящего).

Творительный предикативный на фоне прошедшего связан с членимостью времени и употребляется и в условиях конкретно-временной локализации. Сравним два примера из «Трех сестер».

Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбище стреляли. Он **был генерал**, командовал бригадой, между тем народу шло мало. Впрочем, был дождь тогда. Сильный дождь и снег.

За счет именительного предикативного прошедшее представляется говорящим как нечленимое время (ср. с семантикой несовершенного вида), к которому в целом и относится констатирующий предикативный признак.

В другом примере из «Трех сестер» речь идет о некотором временном отрезке, что задает условия для употребления творительного (который аналогичен совершенному виду), время – членимое:

Т у з с н б а х. Александр Игнатьевич из Москвы.

И р и н а. Из Москвы? Вы из Москвы?

В е р ш и н и н. Да, оттуда. Ваш покойный отец был там **батарейным командиром**, а я в той же бригаде **офицером**.

Вариантом временной локализации может выступать и локализация пространственная: Москва – это и место, и временной отрезок, вмещающий детство героинь.

Ср. «именительный абсолютного прошедшего» с «творительным актуального признака в настоящем»: первый исключает указание на пространственно-временную локализацию, второй – обязательно требует.

II.3. Именительный «нарративный» выражает объективированность настоящего в художественном тексте на фоне нарративной формы прошедшего.

Функция говорящего как субъекта дейксиса однозначна в речевом режиме, однако в рамках художественного текста она разрушается за счет усложнения пространственно-

⁶Ср. с именительным нарративным (раздел II.3 настоящей статьи), который также используется в ситуации, когда соотнесены два мира, на этот раз – реальный и фиктивный.

временной организации: время (и пространство) текстовое, событийное, таксисное, соотносится со временем (1) слова внетекстового субъекта (повествователя) и (2) мысли или перцепции внутритекстового субъекта (героя, того, кто совмещает роль объекта изображения, он же субъект диктума, и субъекта модуса, субъекта рефлексии). Время художественное параллельно, является внешним по отношению ко времени пишущего, а также времени читателя (физическому, внетекстовому, времени чтения), ср. с идеей Г.А. Золотовой о трех временных осях в художественном тексте [Золотова и др. 1998: 22–23]. Другими словами, дейксис в тексте возможен в отношении внутритекстового, фикционального времени-пространства и принадлежит внутритекстовому субъекту, что означает удвоение времени-пространства автора и читателя, их одновременное бытие в двух временных планах: в ментальном, фикциональном, внутри текста, и в физическом – вне текста.

Самый простой случай – приписывание именных предикатов личным субъектам, существующим, живущим в рамках изображаемого в повествовании пространства-времени (нарративный режим интерпретации по Е.В. Падучевой). Рассмотрим два литературных фрагмента:

Художник вспомнил, что действительно и вчера еще не было свечи, успокоился и замолчал. Он дал себя раздеть и надел свой крепко и сильно заношенный халат. <...>

– Пусть их приходят, – сказал с грустным равнодушием Чартков. И ненастное расположение духа овладело им вполне.

Молодой Чартков **был художник** с талантом, пророчившим многое: вспышками и мгновеньями его кисть отзывалась наблюдательностью, соображением, шибким порывом приблизиться к природе (Гоголь);

В большом доме Глебов бывал не раз: то у Моржа на десятом этаже..., то приходил к Химиусу..., то бывал у Сони Ганчук, а то у Антона в маленькой квартирке на первом этаже, где Антон жил с матерью Анной Георгиевной. Из всех обитателей большого дома Глебову по-настоящему нравился Антон Овчинников. Вообще-то Глебов считал Антона просто-напросто гениальным человеком. Да и многие так считали. Антон **был музыкант, поклонник Верди**, оперу «Аида» мог напеть по памяти всю, с начала до конца, кроме того, он **был художник**, лучший в школе, особенно замечательно он рисовал акварелью исторические здания, а тушью – профили композиторов; еще он **был сочинитель** фантастических, научных романов, посвященных изучению нещер... (Трифонов).

Именные предикаты – констатирующие (*художник, сочинитель, музыкант, поклонник*). В связи с этими примерами можно говорить об объективированности «настоящего», об отнесенности признака к тому временному плану, к которому относится повествование – «прошедшее как настоящее», отсюда именительный предикативный как маркер настоящего. Особенно весомо это свойство взаимодействующих форм времени и падежа проявляется в адъективном предикате, см. фрагмент, обусловленный перцептивным модусом (репродуктивный регистр):

– Какая голова? – спросила Маргарита, вглядываясь в неожиданного соседа. Сосед этот оказался маленького роста, пламенно-рыжий, с клыком, в крахмальном белье, в полосатом добротном костюме, в лакированных туфлях и с котелком на голове. Галстух **был яркий** (Булгаков).

Форма прошедшего времени в *был яркий* осмысливается как актуальное настоящее. Изменение предикативного падежа относит признак к предшествующему временному плану по отношению к изображаемому времени: *Галстух был ярким* (= раньше, а теперь поблек)⁷, а форма связки семантизируется (т. е. означает прошедшее по отношению к изображаемому временному плану).

⁷ См., однако, работу [Шелякин (в печати)], где среди закономерностей соединения форм времени и падежа в адъективном предикате не учитывается функциональное тождество форм настоящего и прошедшего в нарративе (в частности, в репродуктивном регистре).

Форма прошедшего времени в именном предложении является средством подстройки под контекст. Прошедшее маркирует не временную дистанцию между моментом речи и изображаемыми событиями (как было бы в речевом режиме), а границу миров – фиктивного и реального; автор и читатель перемещаются во время-пространство героев. О функциональной близости в паре форм настоящего и прошедшего в нарративе Е.В. Падучева пишет: «Парным к нарративному прош. является наст. историческое, которое тоже не выражает, в отличие от обычного наст. времени, совпадения с моментом речи. Противопоставление “настоящее vs. прошедшее” преобразуется при нарративном режиме в дейктическое противопоставление “ближнее vs. дальнее”» [Падучева 1996: 13]⁸.

Усложнение временной организации сопровождается и усложнением субъектной перспективы. В примере из «Портрета» представлен переход от внутренней точки зрения героя (субъекта мысли, действия и речи) к внешней точке зрения на героя: его свойства (*Чартков был художник*) характеризует повествователь; в гоголевском тексте эта граница выделена и графически – новым абзацем.

Пример из «Дома на набережной» может интерпретироваться либо как внутренняя речь героя (несобственно-прямая речь), Глебова, перемещающегося в воспоминании во временной план детства, либо как слово автора о герое (вообще охарактеризовать отношение автора и героя в этом романе, определить соотношение внутренней / внешней позиции чрезвычайно затруднительно, это могло бы стать предметом отдельного исследования в области грамматики и текста).

Возвращаясь к сравнению адъективных и субстантивных характеризующих признаков (типа *художник*) в нарративе, надо признать, что семантика адъективных признаков теснее связана с временной динамикой (они подвижны, кратковременны), потому и связь падежа и времени ярче. Временная статичность субстантивных признаков ограничивает взаимодействие именительного предикативного и прошедшего времени в нарративе: на фоне связки прошедшего времени признак тяготеет к прошлому и выбирается творительный, т. е. создается временная дистанция: взгляд из нового временного плана («настоящего момента речи и чтения»), а изображаемое отодвигается в план прошлого. Поэтому повествовательная техника «именительного нарративного» субстантивных признаков (*Чартков был художник*) осознается сегодня как элемент архаики (см., однако, примеры из прозы 1970-х гг.: из «Дома на набережной» Ю.В. Трифонова и ниже из мемуаров Н.М. Малышевой).

Если нарратив формой прошедшего времени создает особое время-пространство, то жанр фиктивного дневника позволяет специфическое использование форм настоящего и прошедшего. Так, в дневнике Печорина в «Княжне Мери» в характеристиках его знакомых могут чередоваться формы настоящего и прошедшего времени. Это касается именных нелокализованных во времени предикатов (выделены в примере). При этом интересно, что субстантивные констатирующие предикаты употребляются именно в форме настоящего. Очевидна функциональная близость форм настоящего дневникового и прошедшего нарративного (с именным маркером настоящего времени – именительным предикативным).

Грушницкий – юнкер. Он только год в службе... У него георгиевский солдатский крестик. Он хорошо сложен, смугл и черноволос... Он довольно остер.... Когда сбрасывает трагическую мантию, Грушницкий довольно мил и забавен.

Вернер человек замечательный по многим причинам. Он скептик и матерьялист, как почти все медики, а вместе с тем и поэт... Он был беден... У него был злой язык. ... Его наружность была из тех... Вернер был мал ростом.

⁸ Интересно, что имперфективы в форме настоящего времени («ближнее» по Е.В. Падучевой) как упрощенный повествовательный прием часто используются в детской литературе.

Если характеристики Грушницкого удерживаются в настоящем времени, создавая эффект противостояния двух героев в рамках единого настоящего (Печорин как герой), противостояния, которое будет развиваться в сюжете повести, то при описании Вернера побеждает повествовательная техника прошедшего времени, сменяющая «дневниковое настоящее» и воспроизводящая отношения автор – герой (Печорин как писатель).

Здесь же рассмотрим пример из мемуаров, в котором содержится биноминативное предложение в прошедшем времени – это реальное прошедшее по отношению к моменту речи, именной предикат *был бывший кадровый офицер* относится к тому временному плану, о котором идет речь в воспоминании (нет временной дистанции между временем именного предиката и временем предиката *руководил*):

В.В., видимо, тоже не было дома в Москве, по-видимому, его обучали военному делу в народном ополчении. Вскоре его отпустили оттуда. Там чем-то руководил Андрей Михайлович Земский (один из авторов учебника русского языка – Земский, Крючков, Светлаев). А.М. *был*, кажется, *бывший кадровый офицер*, и поэтому он обучал новобранцев (Воспоминания Н.М. Малышевой о В.В. Виноградове).

В свое время (в работе 1975 г.) К.В. Чвани [Chvany 1996: 85] увидела особую ценность произведенного И.И. Ревзиным анализа предложений тождества в том, что он вернулся к литературным источникам, по которым восстановил состав мигрирующих из книги в книгу упрощенных примеров, что позволило ему решать вопрос о согласовании связки в биноминативных («двухподлежащих») предложениях с точки зрения реализации скрытой категории определенности / неопределенности и в связи с иерархией именных морфологических признаков [Ревзин 1978: 244–245], ср.: *Кабинет была комната – Кабинет его была комната ни большая, ни маленькая*.

Логичен и следующий шаг: за восстановлением количественного состава предложения – восстановление повествовательной среды, в которой это предложение живет. В связи с текстовым подходом и с учетом функционирования категории времени в условиях художественного повествования, обусловленного особенностями пространственно-временной позиции субъекта сознания, классические литературные примеры могут получить новую интерпретацию. Следующие текстовые фрагменты, в которых содержатся биноминативные предложения, организованные двумя предметными (неличными) именами, принадлежат репродуктивному регистру. Репродуктивный регистр характеризуется совпадением времени речи и времени наблюдения (сфера бытия перцептивного, или сенсорного, модуса).

Рассмотрим расширенный контекст именного предложения из «Преступления и наказания»:

В это самое время его (Раскольников) позвали к Порфирию Петровичу. *Оказалось, что в эту минуту Порфирий Петрович был у себя в кабинете один. Кабинет его была комната ни большая, ни маленькая*; стояли в ней: большой письменный стол перед диваном, обитым клеенкой, бюро, шкаф в углу и несколько стульев – все казенной мебели, из желтого отполированного дерева. В углу, в задней стене или, *лучше сказать*, в перегородке была запертая дверь: там далее, за перегородкой, *должны были, стало быть*, находиться еще какие-то комнаты.

Выделенное именное предложение обусловлено точкой зрения субъекта-наблюдателя (который в первом предложении выступает субъектом сознающим, мыслящим, на что указывает ментальная модусная рамка *оказалось, что...*). Репродуктивное описание, уравнивая формы прошедшего и настоящего (возможна синонимическая замена: *Раскольников позвали к Порфирию Петровичу. <...> Кабинет его – комната ни большая, ни маленькая; стоят в ней: большой письменный стол, бюро, шкаф*), семантически передает идею настоящего актуального. Сигналом настоящего актуального и является именительный падеж обоих составов (квалификация с точки зрения субъекта – предиката затруднительна, а возможно, и неважна, некоторые исследователи говорят о двух подлежащих, см. [Ревзин 1978: 241]). Инверсированный порядок слов в бытийном

предложении указывает на соединенность модусов сенсорного и ментального; благодаря такому построению воспроизводится психологическое состояние Раскольников в момент его первого появления в полиции у Порфирия Петровича, его нервное напряжение и ожидание (которым проникнуто все начало V главы). Прямое наблюдение соединяется с размышлением, как будто герой, оглядываясь, осматриваясь, находит ответы на поставленные заранее вопросы: что за комната служит кабинетом у Порфирия Петровича? что же находится в той комнате? Маркеры ментальных модусов выделены в примере курсивом.

В следующем фрагменте из «Войны и мира» присутствуют биноминативные предложения в формах настоящего и прошедшего. От чего это зависит?

Петя должен бы был знать, что он в лесу, в партии Денисова, в версте от дороги, что он сидит на фуре, отбитой у французов, около которой привязаны лошади, что под ним сидит казак Лихачев и натачивает ему саблю, что большое черное пятно направо – караулка, и красное яркое пятно внизу налево – догоравший костер, что человек, приходивший за чашкой, – гусар, который хотел пить; но он ничего не знал и не хотел знать этого. Он был в волшебном царстве, в котором ничего не было похожего на действительность. Большое черное пятно, может быть, точно была караулка, а может быть, была пещера, которая вела в самую глубь земли. Красное пятно, может быть, был огонь, а может быть – глаз огромного чудовища. Может быть, он точно сидит теперь на фуре, а очень может быть, что он сидит не на фуре, а на страшно высокой башне, с которой ежели упасть, то лететь бы до земли целый день, целый месяц – все лететь и никогда не долетишь. Может быть, что под фурой сидит просто казак Лихачев, а очень может быть, что это – самый добрый, храбрый, самый чудесный, самый превосходный человек на свете, которого никто не знает. Может быть, это точно проходил гусар за водой и пошел в лошину, а может быть, он только что исчез из виду и совсем исчез, и его не было.

Что бы ни увидел теперь Петя, ничто бы не удивило его. Он был в волшебном царстве, в котором все было возможно.

Он поглядел на небо. И небо было такое же волшебное, как и земля. На небе расчищало, и над вершинами деревьев быстро бежали облака, как будто открывая звезды. Иногда казалось, что на небе расчищало и показывалось черное, чистое небо. *Иногда казалось, что эти черные пятна были тучки.* Иногда казалось, что небо высоко, высоко поднимается над головой; иногда небо спускалось совсем, так что рукой можно было достать его.

Этот фрагмент обусловлен в основном точкой зрения Пети, который находится в состоянии, когда ясное, дневное сознание постепенно побеждается сном (об этом вся X глава, в финале которой Петя засыпает). Во фрагменте соединяются модусы перцептивный и ментальный (интерпретация увиденного). Открывается фрагмент модусной рамкой мнения *он должен бы был знать, что...* (которая может принадлежать как повествователю, так и герою). Рамка стоит в форме сослагательного наклонения с контрфактивным значением, а диктальные предикаты под рамкой даны в форме настоящего времени, так как между рамкой и диктальными частями отсутствуют таксисные отношения; благодаря этому создается эффект соприсутствия читателя: время чтения тождественно времени мысли героя. Многочисленные диктальные части под рамкой (не менее восьми самостоятельных предикатов) начинают отрываться от нее и могут прочитываться как описание статичного окружающего пространства. Форма настоящего биноминативных предложений может пониматься как результат подстройки под ментальную рамку и в то же время как репродуктивное изображение. После объяснительного предложения («он был в волшебном царстве») следует часть, обусловленная только точкой зрения героя (его внутренняя речь), начиная с именных предложений, осложненных ментальными Я-рамками (в тексте выделено полужирным шрифтом). В этом случае именные предложения принимают форму прошедшего (что является знаком подстройки под общий грамматический контекст), сохраняя, однако, формы именительного, которые выступают сигналами настоящего актуального. Благодаря соединению модуса кажимости

(который должен был бы «согласовываться» с творительным⁹: *черное пятно было, может быть, пещерой*) и объективирующего именительного предикативного «волшебные» предикаты приобретают в рамках Пстиного сознания статус «действительности» (фантазия замещает реальность). Интересно, что за этими именными предложениями следуют обрамленные предложения с глагольными предикатами (*сидит*) в настоящем в сопровождении темпорального показателя *теперь*.

Рассмотрим фрагмент из «Войны и мира», в рамках которого существует предложение, обсуждавшееся в работе [Ревзин 1978].

Наташа же была весела потому, что она слишком долго была грустна, и теперь ничто не напоминало ей причину ее грусти, и она была здорова. Еще она была весела потому, что был человек, который ею восхищался (*восхищение других была та мазь колес, которая была необходима для того, чтоб ее машина совершенно свободно двигалась*), и Петя восхищался ею. Главное же, веселы они были потому, что война была под Москвой, что будут сражаться у заставы, что раздают оружие, что все бегут, уезжают куда-то, что вообще происходит что-то необычайное, что всегда радостно для человека, в особенности для молодого.

Биноминативное предложение организовано соединением неизосемического (пропозитивного) имени (*восхищение*) и предметного имени в переносном значении (*мазь*). Именительный второго состава можно объяснить двумя причинами. (1) Творительный дал бы прочтение, отсылающее к прямому номинативному значению (?*восхищение было той мазью*, ср.: *он был свинья – он был свиньей*). (2) Обсуждаемое предложение включено во вставную конструкцию, которая содержит обобщение, касающееся характера героини. Это обобщение принадлежит повествователю, ментально сопresentствующему в том же художественном хронотопе, что и героиня, Наташа (отсутствие временной границы и бытие в одном пространстве-времени аналогично настоящему); обобщение верно для всех временных ипостасей героини (которая жива), что должно выражаться настоящим временем и соответственно именительным предикативным.

К именительному предикативному в нарративе близок именительный предикативный в косвенной речи¹⁰, передающий слова героя «в настоящем» (в присутствии модусных рамок с семантикой речи, мысли, мнения – выделены в примерах курсивом). Именительный, как маркер настоящего времени, создает эффект «непереведенности» части содержания высказывания из прямой речи в косвенную, сохраняя следы речи прямой:

Потом Ноздрев велел принести какую-то особенную бутылку, которая, по словам его, была и бургоньон, и шампаньон вместе (Гоголь).

Ср. именительный и настоящее время в реконструируемой прямой речи: **Ноздрев сказал: «Вино и бургоньон и шампаньон вместе»*.

Модусная субъектная синтаксема для + Род. выражает не только субъекта мнения, но и субъекта речи (героя мыслящего и говорящего):

Для Сергея Ивановича *меньшой брат его был славный малый*, с сердцем, поставленным хорошо (как он выражался по-французски), но с умом хотя и довольно быстрым, однако подчиненным впечатлениям минуты и потому исполненным противоречий (Л. Толстой).

Ср. в реконструируемой прямой речи: **Сергей Иванович считал, думал, говорил: «Мой меньшой брат – славный малый»*.

⁹ Ср. предикаты модуса кажимости, которые функционируют в соединении с творительным предикативным: *казаться, представляться* и т.п.

¹⁰ Соотнесенность нарратива и косвенной речи в связи с проблемой разграничения первичных и вторичных эгоцентриков обсуждается в работе [Онипенко (в печати)].

III. Именительный «рассогласованный» на фоне будущего – временная близость.

Известно, что творительный семантически согласуется с будущим временем, указывая на расподобление времени речи и времени предиката. Рассмотрим пример употребления именительного в соединении с формой будущего времени:

Сережа побежал домой, крича:

– Мама! Мама! Коростелев нам прислал свою шинель!

<...>

Шинель уже висела на вешалке, а мама читала письмо. Она ответила не сразу, а когда дочитала до самого конца.

– Я знаю, Сереженька. Коростелев теперь будет жить с нами. Он будет твой папа (Панова).

Выбор именительного обусловлен близостью плана будущего к плану настоящего (и к моменту речи): личные вещи отчима уже в доме, «теперь будет жить с нами» – а также постулируемой неизменяемостью признака во времени. Ср. также пример, в котором героиня, находящаяся без средств, при получении заказа на выполнение чертежей говорит квартирной хозяйке: *Ну вот и деньги, бабушка. Я снова буду богатая* (Арбузов) – адъективный предикат в именительном также указывает на близость признака во времени (работа уже получена).

3. ИМЕНТЕЛЬНЫЙ ПРЕДИКАТИВНЫЙ ПРИ ФОРМАХ СВЯЗКИ НЕ-НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В ТЕКСТАХ XVIII–XIX вв.

Обрисованная выше тенденция к семантическому согласованию категорий в конструкциях с субстантивным предикатом, характерная для современного языка, связана с идеей дискретного времени. Грамматический механизм рассогласования, реализующийся в соединении именительного и связки в прошедшем, будущем времени, связан с интерпретацией времени как нечленимого, т. е. с тем, что говорящий мыслит предикативный признак как существующий либо в вечности, либо в абсолютном прошлом, либо в «семантическом» настоящем в повествовании (в нарративном режиме интерпретации), либо в неразделимости планов настоящего и будущего. Тем самым в современном языке представлены две грамматические тенденции, из которых «семантическое согласование» является более новой, а то, что осмысливается сегодня как «рассогласование», принадлежит более старому состоянию системы.

Вообще история предикативных падежей на протяжении XVIII–XIX вв. состоит в постепенном расширении сферы употребления творительного предикативного. Обширный материал документальной, публицистической литературы, эпистолярного жанра, исторических записок XVIII–XIX вв. и его анализ представлен в [Виноградов, Шведова (ред.) 1964: 20–101], где Н.Ю. Шведова указывает, что расширение сферы употребления творительного, а следовательно, и приближение к грамматическим тенденциям нашего времени связано с творчеством Н.М. Карамзина [Там же: 87].

Обращение к примерам из художественной литературы показывает, что именительный при формах не-настоящего времени на протяжении первых двух третей XIX в. употреблялся шире, чем в современном языке; прежде всего, речь идет о членимом времени, в частности, в имитационном речевом режиме (слово героев, диалог). Это можно связать как со становлением новой грамматической тенденции, так и с индивидуальными авторскими предпочтениями. Так, Н.Ю. Шведова приводит свидетельства того, что Пушкин «явно отдает предпочтение именит. падежу» [Там же: 92–93].

По-видимому, на протяжении XIX в. действовала иная грамматическая закономерность, сменившаяся к рубежу XIX–XX вв. тенденцией к «семантическому согласованию» категорий по принципу «объективности – соединенности с говорящим» / «субъективности – дистанцированности от говорящего». С сегодняшней точки зрения старая закономерность (относящаяся еще к XVIII в.) – это осмысление других, по отношению

к настоящему, временных планов как объективных; во временной парадигме именного предложения формы времен семантически уравниены посредством именительного предикативного¹¹. Таким образом, можно говорить о меньшей степени выраженности эгоцентрической грамматической техники в конструкциях с субстантивными предикатами в системе той эпохи и о ее развитии в течение XIX в. (об эгоцентрических средствах см. [Падучева 1996; Онипенко (в печати)]): предикативным падежом начинают отмечать временное и модальное совпадение / дистанцирование сообщаемого, с одной стороны, и момента речи и Я – с другой.

Объективность времен соотносится с «объективностью» имен (предметные имена: личные местоимения, *муж, человек, друг, жених, ребенок* и т. п.), служивших субъектом и предикатом. См. следующие примеры:

Его без гроба погребли в холодном лоне *той земли, на коей он невольник был* (Жуковский);

В то время был еще жених ее супруг; Пестушок мой золотой *будет* верный сторож мой (Пушкин);

Вы были тогда ребенок (пример, разбираемый в [Якобсон 1985]);

Что ж делать, Настенька, что ж мне делать? я виноват, я употребил во зло... Но нет же, нет, не виноват я, Настенька; я это слышу, чувствую, потому что мое сердце мне говорит, что я прав, потому что я вас ничем не могу обидеть, ничем оскорбить! *Я был друг ваш*; ну, вот я и *теперь* друг; я ничему не изменял... (Достоевский).

Во всех этих примерах признак отнесен к прошлому / будущему по отношению к моменту речи или к изображаемому временному плану (членимое время).

Выделенные курсивом временные и пространственные модификаторы указывают на членимость времени; предикаты в примерах – констатирующие. Ср. пример с оценочными предикатами в именительном:

Но жизнь все еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы *будем старые хрычи*, жены наши – старые хрычовки, а детки *будут славные, молодые, веселые ребята*; а мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо (Пушкин).

Что может прояснить обращение к грамматическим трудам XIX в.? У А.Х. Востокова [Востоков 1838] читаем: в прошедшем времени «природное состояние предмета» обуславливает употребление именительного предикативного: *Адам был первый человек, Каин и Авель были дети Адамовы*; «состояние случайное, какими-либо делами приобретенное» предопределяет выбор творительного: *Адам был первым земледельцем, Каин был убийцею брата своего*. Ср. у Ф.И. Буслаева [Буслаев 1858] сходное же противопоставление несущественных / существенных признаков: *Ломоносов был рыбаком – Ломоносов был великий человек*.

Тем не менее трудно настаивать на том, что в предложениях типа *Я был друг ваш* (Достоевский), *Вы были тогда ребенок* (Тургенев) речь шла о «природном», «существенном» признаке (семантически «друг», «ребенок» – непостоянные, изменяемые признаки). Можно предположить более «объективный» характер прошедшего времени, которое в современном языке отошло в область модально маркированных форм (имени-

¹¹ И авторы [Виноградов, Шведова 1964], и старые русские грамматики представляют историю именного предиката как вытеснение именительного предикативного творительным. У В.А. Богородицкого читаем: «Сравнение с родственными языками и древним состоянием самого русского языка показывает, что замена второго именительного (т. е. предикативного) посредством творительного представляет собою сравнительно позднее явление...» [Богородицкий 1935: 210]. Ф.И. Буслаев считает творительный в настоящем времени полонизмом [Буслаев 1858]. Интересно, что творительный сближается для грамматистов XIX – начала XX вв. с обстоятельством и мыслится вне предиката – глагола *быть* (см. [Востоков 1838; Богородицкий 1935]).

тельный предикативный сменился творительным). О том же может свидетельствовать и факт, что в пределах современной нормы оказываются предложения *Адам был первым человеком, Каин и Авель были детьми Адамовыми*, т. е. «природные» признаки по А.Х. Востокову могут принимать форму творительного.

Наряду с именительным предикативным в литературе конца XVIII – 1-й пол. XIX в. представлен и творительный предикативный (ниже приводятся примеры из [НКРЯ]). Предикаты указывают на временные, возрастные или функциональные, ипостаси предиктируемых субъектов (ср. о временных, несущественных признаках [Востоков 1838; Буслаев 1858]), время реализации сообщаемого признака отграничено от времени сообщения (момента речи):

Стародум. Как не знаком? Он три года у меня был кучером. Все показывают удивление (Д. Фонвизин. Недоросль (1782));

«Бог дал мне руки, чтобы работать – говорила Лиза, – ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенком, теперь пришла моя очередь ходить за тобою...» (Н. Карамзин. Бедная Лиза (1792));

Ей все этот старичок рассказал... как бишь его? Он был свидетелем вашей стычки с Грушницким в ресторации. Я пришел вас предупредить (М. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841));

Я узнал только, что он некогда был кучером у старой бездетной барыни, бежал со вверенной ему тройкой лошадей, пропадал целый год (И. Тургенев. Певцы (1850)).

В примерах с пропозициональными субъектами также употребляется именительный предикативный:

Я – я не люблю его, потому что я могу любить только то, что великодушно, что понимает меня, что благородно; потому что я сама такова, и он недостоин меня, – ну, бог с ним! Он лучше сделал, чем когда бы я потом обманулась в своих ожиданиях и узнала, кто он таков... Ну, конечно! Но почему знать, добрый друг мой, – продолжала она, пожимая мне руку, – почему знать, может быть, и вся любовь моя была обман чувств, воображения, может быть, началась она шалостью, пустяками, оттого, что я была под надзором у бабушки? (Достоевский);

...а стало быть, все это, вчерашнее, случившееся с ним, Раскольниковым, опять-таки было призрак, преувеличенный раздраженным и больным воображением его (Достоевский).

Приведенные фрагменты представляют собой прямую или несобственно-прямую речь героев – Настеньки и Раскольникова, формы прошедшего времени маркируют реальное прошедшее, минувшее относительно момента речи – внешней или внутренней. Выделена курсивом лексика, указывающая на противопоставление, а тем самым членимость временных планов. Именительный можно интерпретировать в связи с универсальной тенденцией к объективности идеи времени.

Сюда же можно отнести пример, обсуждавшийся И.И. Ревзиным [Ревзин 1978] и Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1976] в связи с проблемой тождества именных составов и согласования связки. На этот раз он рассматривается в связи с идеей взаимодействия членимого прошлого (выделено курсивом слово, указывающее на членимость времени), объективности плана прошедшего и выбора предикативного падежа в предложениях с пропозициональными субъектами; в отличие от примеров из Достоевского, здесь представлена авторская речь:

Свадьба Наташи, вышедшей в 13-м году за Безухова, было последнее радостное событие в старой семье Ростовых.

В примерах из Достоевского предикаты интерпретационные, метафорические (*обман, призрак*), в примере из Толстого – констатирующий (*событие*), однако различие в семантике не отражается в предикативном падеже. При этом любопытно, что, как показывает анализ примеров из [НКРЯ], в конце XVIII – начале XIX в. интерпретационные

предикаты в творительном были уже довольно распространены, как в соединении с личными, так и с пропозициональными субъектами:

Юлия была украшением нашей столицы... (Н. Карамзин. Юлия (1796)).

Первая удача была залогом новых: храбрый князь, поручив Смоленск своему боярину, вступил в область северян и взял Любеч, древний город на Днепре (Н. Карамзин. История государства Российского: Том 1 (1803–1818));

Тогда величие и крепость духа возводили на верх славы и счастья и красота была наградой достойною (В. Нарезный. Славенские вечера (1809)).

Ср. также: *Вся жизнь моя была залогом...*; *Супружество нам будет мукой* (Пушкин).

Наблюдения над текстами конца XVIII – начала XIX в. показывают, что предложения с личными субъектами (*Он был тогда кучером*), передающие идею членимого времени, и предложения с интерпретационными предикатами (*первая удача была залогом...*) стали той семантической зоной, в которой начался процесс расшатывания «объективной» временной парадигмы именного предложения и экспансии творительного предикативного в формах не-настоящего времени. Колебания в выборе предикативного падежа на фоне прошедшего времени возможны в современном языке в основном в значении «абсолютного прошлого» (см. раздел II.2).

4. КАТЕГОРИАЛЬНО-ЛЕКСИЧЕСКОЕ РАССОГЛАСОВАНИЕ

Рассмотрим рассогласовательную технику на примере субстантивного *он*-предиката с семами оценочности, постоянства признака (*дурак*), который, в соответствии с механизмом грамматического согласования, должен был бы требовать именительного предикативного в рамках прошедшего времени. В самом деле, анализ примеров из [НКРЯ] показывает, что в подавляющем большинстве контекстов при связке в прошедшем времени употреблен именительный предикативный (71 против 17), что соответствует согласовательной модели. На примере фрагментов из литературных текстов покажем, какие факторы могут создавать условия для рассогласования, т. е. для использования творительного предикативного на фоне прошедшего времени.

1. Отрицательная модальность – прошедшее нарративное (равносильно настоящему):

Внешняя точка зрения, *он*-субъект:

Лапша был чудак, парень шальной и благой. <...> Лицо его освещалось каким-то неразгаданным, постоянно меняющимся внутренним светом: оно серьезно, даже угрюмо, но вдруг Лапша без всякой причины покраснеет, а потом раскатится смехом, и все это совершится в нем быстро и неуловимо. Он при всем этом **не был дураком**. В лице его вы видите образчик бурсацкой застенчивости, которая особенно развилась от его несчастного безобразия (Н. Помяловский. Очерки бursы (1862));

Дурак он, конечно, ну, а кто в его возрасте **не был дураком**? (И. Эренбург. Оттепель (1953–1955));

Но вот кто явно **не был дураком** — так это Борис Борисович (А. Гладилин. Большой беговой день (1976–1981));

Страшно было то, что Ермилов **не был дураком**, он был умен, по-своему умен, но погорел, как дурак (В. Астафьев. Зрячий посох (1978–1982)).

Внутренняя точка зрения, *Я*-субъект:

Конечно, Штрум в глубине души понимал, что все эти изменения, в общем-то, ничего не меняют. *Он не был дураком*, он не был циником, он умел думать (В. Гроссман. Жизнь и судьба (1960));

Павел Николаевич **не был дураком**, к столичным сплетням прислушивался и вполне понимал, что стояло за сказанными на прошлой встрече Семенчуком словами: мол, скоро все изменится... (С. Таранов. Черт за спиной (2001)).

Отрицание безусловно оказывает влияние на выбор падежа (ср. также именительный предикативный в утвердительном высказывании: *Он был дурак, чудака, старик*). Анализ примеров показывает, что постоянный признак, коррелирующий с именительным предикативным в условиях прошедшего времени, реагирует на отрицательность, принимая форму творительного, т. е. падежа субъективирующего (*Он не был дураком, чудаком, стариком*). Тем самым отрицательность (реализующая категорию полярности) включается в сферу модальности, семантически согласуясь с творительным; лишь настоящее однозначно подавляет субъективизм отрицания, или модальную окраску, требуя именительного. Взаимодействие с творительным падежом дистанцированных от говорящего форм времени и наклонения¹², а также и отрицательных предложений объединяет значения не-настоящего времени, не-изъяснительных наклонений и отрицания в одну общую семантическую область¹³. В этом контексте любопытны типологические данные, свидетельствующие о языках с обязательной морфологической маркированностью ирреалисом предикатов в предложениях с отрицанием (см., например [Elliott 2000]).

Интересно, что контекст отрицательности безразличен к категории лица (одинаково употребительны субъекты 1-го и 3-го синтаксического лица): отрицаться негативный признак может и в отношении себя, и в отношении другого.

2. Членимость времени, количественность, противопоставленность разных временных планов – тогда и сейчас, прошлого и будущего.

В этой группе, самой многочисленной, обращает на себя внимание то, что субъектом предикации выступает в основном *Я* – в прямой речи либо в рамках повествования в форме 3-го л., передающего внутреннюю точку зрения:

Вы что думаете? Каюсь, открыто каюсь: **был дураком!** Ведь он и меня обморочил (Ф. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859));

В этот момент Галактион ненавидел ее и был счастлив, что ночью **был дураком** (Д. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895));

Если мы вообразим в действительности жизнь человека сложенной по этой формуле, то А будет чувство собственной личности, это Я, а Б, все то достигнутое всей жизнью, будет дурак и, умирая, такой человек в лучшем случае скажет: «я **был дураком**» (М. Пришвин. Дневники (1928));

Значит, не вдруг спрыгнула, рассчитала заранее. **Был дураком** и остался дураком. Он сел возле девочки, перекинул руку ей за голову и, притягивая к себе, сказал глухо (В. Распутин. Нежданно-негаданно (1997));

Он пожал плечами: – **Был дураком**, им, видать, и помру... (А. Кабаков. Путешествие экстраполятора (1988–1999));

Чем она мне навредила? Каким же я **был дураком**. Потерял таких двух баб (А. Савельев. Аркан для букмекера (2000)).

¹²Отрицание может менять модус высказывания – с перцептивного на ментальный (модус знания), тем самым говорящий отрицанием включает в свою ментальную сферу то, что в утвердительном высказывании принадлежит объективному миру, ср.: *На столе лежит шоколад – На столе нет шоколада*. Ср. также ссылку Е.В. Падучевой на Б. Рассела: фраза *Это белье не белое* «обязана своим появлением» тому, что «находится **перед глазами** у говорящего», и «**представлению** о том, что белье должно быть белым» [Падучева 1974: 151].

¹³Очевидно, аналогичным образом связаны в грамматической системе русского языка родительный падеж и зона модально окрашенных глагольных значений (родительный при отрицании, родительный при интенциональных глаголах), см. также [Борщев и др. 2008].

Ср. также: Таня. *А выговор за что?* – Шаманова. *Была разиней* (Арбузов) – именной предикат отнесен к Я-субъекту, чем и обусловлен выбор творительного, создающего противопоставление планов прошедшего и настоящего (= «сейчас не разиня»).

Приведем пример из [НКРЯ] с субъектом – именем класса, не включающим Я говорящего:

Хорошо еще, если он от природы глуп или благонадежно-ограничен; тогда он проживет свою жизнь и на французском языке, шутя, с коротенькими идейками и с парикмахерским развитием, а умрет, совсем не заметив, что всю жизнь был дураком (Ф. Достоевский. *Дневник писателя* (1876)).

Интересно, что членимость времени и временность, отнесенность к прошлому негативного признака, в норме постоянного, часто связана именно с Я-субъектом, что позволяет взглянуть на себя со стороны и оценить свое поведение. Именные предложения, разграничивающие и противопоставляющие временные планы с помощью не только связочного прошедшего, но и творительного предикативного сравнимы с интерпретационными высказываниями «Я ошибся», «Я ошибался», которые с Я-субъектом возможны либо только в формах прошедшего, либо с «модальной загородкой»¹⁴.

Обзор примеров из [НКРЯ] показывает, что при предикации к 3-му лицу обычна форма именительного (*Он был дурак*), т. е. признак интерпретируется как неизменный, при предикации к Я возможен как именительный, так и творительный: признак осмысливается говорящим как временный, относящийся к отдельному поступку.

3. Членимость сфер реализации Я-героя, количественный параметр: свойство «дурак» проявляется не везде:

Конечно, он был дураком, мальчишкой, но ведь в чем-то важном, когда стремился до этого важного докопаться, он дураком не был (внутренняя точка зрения Глебова; Ю. Трифонов. *Дом на набережной* (1976)).

Техника членимости аналогична (или является частным случаем) членимости временной.

4. Чужая точка зрения на Я:

Я понял, что в глазах барина я был дураком, но удивился, когда и Зоя, выслушав мой подробный рассказ о свидании, назвала меня тоже дураком (К. Станюкович. *Оригинальная пара* (1877)).

В примере представлены две точки зрения, выраженные модусными рамками: Я-рамка (*я понял, что...*) и он-рамка (*в глазах барина*), обрамляющая чужое мнение, в содержании которого и представлена точка зрения на Я (с которой не согласен сам Я-субъект). Предтекстом к примеру из [НКРЯ] является речевой контекст, в котором субъектом речи, дающим оценку, является «барин»: *Я извинился и отказался, недоумеваю, как это предлагают такие большие деньги, когда никакого дела нет. Мы раскланялись, и, уходя, я ясно слышал голос барина, пославшего мне вслед «дурака».*

Несогласие говорящего с чужим мнением косвенно доказывается не только формой творительного падежа, но и лексической семантикой именных предикатов: в такой конструкции обычны оценочные он-предикаты, часто с негативной оценкой (*симулянт, холуй, растратчик, бездельник*).

5. ВЫБОР ПАДЕЖА В СВЯЗИ С СУБЪЕКТНОЙ ПЕРСПЕКТИВОЙ ТЕКСТА

На выбор предикативного падежа при связке в форме прошедшего времени в рамках текста с четко обозначенной, открытой авторской позицией может оказывать влияние – наряду с грамматическим механизмом и лексической семантикой предика-

¹⁴ Интерпретационные высказывания рассматривались в устном докладе Е.В. Падучевой в феврале 2010 г.

тивного имени – такой фактор, как расстановка субъектных ролей в рамках субъектной перспективы текста (идея, разрабатываемая Н.К. Онипенко), их ранжирование относительно авторской позиции (см. [Золотова и др. 1998: 229–252]). Тем самым маркер временной дистанции (творительный предикативный) может осмысляться как маркер дистанционности пространственной в паре автор – герой.

Рассмотрим эти тактики на примере биографического текста¹⁵ популярного жанра. В тексте представлены именительный и творительный предикатов собственно-характеризующих (по Н.Д. Арутюновой), констатирующая сущность которых часто дополнена оценочными атрибутами. Релевантными для выбора предикативного падежа оказались следующие характеристики:

(а) позиция предложения в композиции текста:

Творительный в интродуктивной части обнаруживает дистанцию между миром читателя и героев. Так начинается рассказ о любви Ахматовой и Модильяни:

Они были **представителями** двух богем начала XX века: она – петербургской, он – монпарнаской. Он был великим художником, она – великой поэтессой.

Именительный в сюжетной части создает эффект погруженности читателя в мир и время героев:

Поражал Модильяни современников своей эрудицией, своей богатой латинской культурой. Он был **большой поклонник философии и поэзии**.

(б) тип героя:

Предикаты, характеризующие героя в фокусе эмпатии, принимают форму именительного падежа. Такая тактика избирается при изображении главных героев в сюжетной части:

Амедео был **странный новатор-консерватор**;

В жизни Модильяни появляется молодая, красивая и эксцентричная женщина, Беатрис Хестингс. Она была **талантливая журналистка и поэтесса**, и у нее был немалый жизненный опыт... (далее следует рассказ о ней).

Второстепенный герой находится вне фокуса эмпатии, его признаки маркируются творительным, это «попутная» информация:

...его находит и берет под свою опеку Леопольд Зборовский. Этот поляк, влюбившийся в творчество нищего тосканца, поселил его в своей квартире и поставлял ему лучших манекенщиц для работы. Он был **маршаном (торговцем картин) Моди и его верным союзником** (далее следует продолжение рассказа о Модильяни).

Таким образом, противопоставленность именительного и творительного падежей по признаку совпадения/несовпадения с «точкой отсчета говорящего» по предикативным категориям модальности-времени, т. е. категориям субъективно-объективным (А.М. Пешковский), может осмысляться в определенных жанрах как приближенность/дистанционность между субъектами в рамках субъектной перспективы (Н.К. Онипенко) – между автором и героем (категория «образа автора» по В.В. Виноградову [Виноградов 1936]).

Подведем итоги:

- лексическая семантика признаков существительных небезразлична к семантике времени и модальности, что в условиях предикативной позиции заставляет взаимодействовать лексическую семантику имени с категориями времени, модальности, вида;

¹⁵ Полный текст статьи см. на www.woman.ru/stars/modley1/article/43942/.

• в условиях именного предиката именная категория падежа способна участвовать в выражении глагольных категорий времени, вида, модальности, выбор падежа чувствителен к категории лица;

• «нулевые» категории (настоящее время, именительный падеж) обладают способностью удерживать собственное временное значение; при этом на него либо накладывается модифицирующее значение не-нулевой категории (при взаимодействии настоящего времени с творительным предикативным), либо оно само подавляет значение не-нулевой категории (при взаимодействии прошедшего времени с именительным предикативным) побеждает семантика настоящего времени: см. именительный; именительный нарративный;

• не-нулевая категория может формировать основное временное значение предиката, значение нулевой категории при этом аналогично видовому (абсолютное прошлое);

• именительный и творительный предикативные обнаруживают сложное взаимодействие с глагольными категориями: по модели согласования (время – падеж, модальность – падеж), либо компенсации (падеж вместо вида), либо подавления (именительный падеж в прошедшем времени). Тем самым референциальные механизмы (членимость времени, дискретность / протяженность времени, конкретное / обобщенное время) в рамках именной модели предложения оказываются обеспеченными не только грамматическим взаимодействием именных и глагольных категорий, но и собственно именной категорией;

• есть падежи, призванные взаимодействовать с ирреальной модальностью, – это творительный предикативный, а также родительный объектный при отрицании (см. [Борщев и др. 2008]);

• выбор предикативного падежа может указывать на состав модусных субъектов (субъектов речи / мнения): индивидуальный (только Я – метафорические признаки) либо целый класс (все, и Я в том числе – «вечные признаки»).

Развитие механизма грамматического согласования категорий можно интерпретировать в связи с проявлением эгоцентрической техники. Представляется, что в период формирования этого грамматического механизма эгоцентрической была форма творительного, указывавшая на расхождение точки отсчета Я и сообщаемого факта (что можно назвать, воспользовавшись термином Г.А. Золотовой, «эксклюзивностью» говорящего). В современном языке семантическое согласование нейтрально¹⁶, а эгоцентрическими средствами стали категориально-грамматически «рассогласованные» формы предикативного падежа. Рассогласованные формы позволяют передать разные типы отношений между субъектом речи и сообщаемым (эксклюзивность, инклюзивность, отождествление¹⁷, оценочность). Так, творительный на фоне настоящего создает условия для оценочности – оценке подвергается количество времени существования признака (падеж как аналогия вида) либо оценка реализована в метафорическом признаке. Именительный на фоне прошедшего времени осмысливается в связи с «инклюзивностью» говорящего – в случае «вечных признаков» (в инклюзивности также выражается и оценочность признака), в связи с «эксклюзивностью» говорящего – в случае «абсолютного прошедшего». Именительный на фоне будущего и именительный на фоне прошедшего («нарративный») связаны с операцией над временем – с субъективным приближением или отождествлением двух временных планов – момента речи и будущего, либо двух временных планов и двух миров – героя и модусного субъекта (читателя).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адмони 1955 -- В.Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955.
Арутюнова 2007 – Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 2007.
Арутюнова, Ширяев 1983 – Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.

¹⁶ Поэтому понятна квалификация творительного предикативного, рассматриваемого при формах связки не-настоящего времени, как немаркированной формы в [Зельдович 2005].

¹⁷ Отношения включения, исключения говорящего и отождествительные отношения как средства проявления эгоцентрической техники рассматриваются в [Онипенко (в печати)] на примере синтаксических нулей.

- Бенвенист 2002 – Э. Бенвенист. Именное предложение // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 2002.
- Богородицкий 1935 – В.А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935.
- Бондарко (ред.) 1996 – А.В. Бондарко (ред.). Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996.
- Борщев и др. 2008 – В.Б. Борщев, Е.В. Падучева, Б.Х. Парти, Я.Г. Тестелец, И.С. Янович. Русский родительный падеж: референтность и семантические типы // Объектный генитив при отрицании в русском языке. М., 2008.
- Булаховский 1954 – Л.А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М., 1954.
- Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Бусласв 1858 – Ф.И. Буслаев. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858.
- Виноградов 1936 – В.В. Виноградов. Стиль «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии, 2. М.; Л., 1936.
- Виноградов 1947 – В.В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
- Виноградов, Шведова (ред.) 1964 – В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова (ред.). Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения. М., 1964.
- Востоков 1838 – А.Х. Востоков. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. СПб., 1838.
- Вяльсова 2008 – А.П. Вяльсова. Типы таксисных отношений в современном русском языке (на материале причастных конструкций). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Зельдович 2005 – Г.М. Зельдович. Русское предикативное имя: согласованная форма, творительный падеж // ВЯ. 2005. № 4.
- Золотова 1982 – Г.А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова 2002 – Г.А. Золотова. Категории времени и вида с точки зрения текста // ВЯ. 2002. № 3.
- Золотова 2005 – Г.А. Золотова. Перфектив как категория структуры текста // Язык. Личность. Текст: Сб. к 70-летию Т.М. Николаевой. М., 2005.
- Золотова и др. 1998 – Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Иванов 1979 – Вяч.Вс. Иванов. Категория определенности–неопределенности и шифтеры // Категория определенности–неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
- Исаченко 2003 – А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. М., 2003.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/>.
- Никольс 1985 – Дж. Никольс. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
- Онипенко (в печати) – Н.К. Онипенко. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов.
- Падучева 1974 – Е.В. Падучева. О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- Пешковский 2001 – А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Пражская грамматика 1979 – К. Horálek (věd. red.). Русская грамматика. Т. 2. Praha, 1979.
- Ревзин 1978 – И.И. Ревзин. Структура языка как моделирующей системы. М., 1978.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.
- Степанов 2007 – Ю.С. Степанов. Имена. Предикаты. Предложения. М., 2007.
- Тимберлейк 1985 – А. Тимберлейк. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
- Уорф 1972 – Б.Л. Уорф. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Успенский 2004 – Б.А. Успенский. Часть и целое в русской грамматике. М., 2004.

- Чернышев 1915 – В.И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. СПб., 1915.
- Шелякин (в печати) – М.А. Шелякин. О функциональном различии полных и кратких форм прилагательных в позиции предиката // Грамматика и текст. М., в печати.
- Щерба 2007 – Л.В. Щерба. О частях речи в русском языке // Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 2007.
- Якобсон 1985 – Р.О. Якобсон. К общему учению о падеже // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
- Chvany 1996 – C.V. Chvany. Selected essays. Columbus, 1996.
- Elliott 2000 – J.R. Elliott. Realis and irrealis: Forms and concepts of the grammaticalisation of reality// Linguistic typology. 2000. V. 4–1.
- Nichols 1981 – J. Nichols. Predicative nominals. A partial surface grammar of Russian. Berkley, 1981.

Сведения об авторе:

Елена Николаевна Никитина
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
yelenon@mail.ru